

БОРИС КРИТЕР

ХАЙДЕГГЕР
И ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ

КРИТИКА ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

БОРИС КРИГЕР

ХАЙДЕГГЕР И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

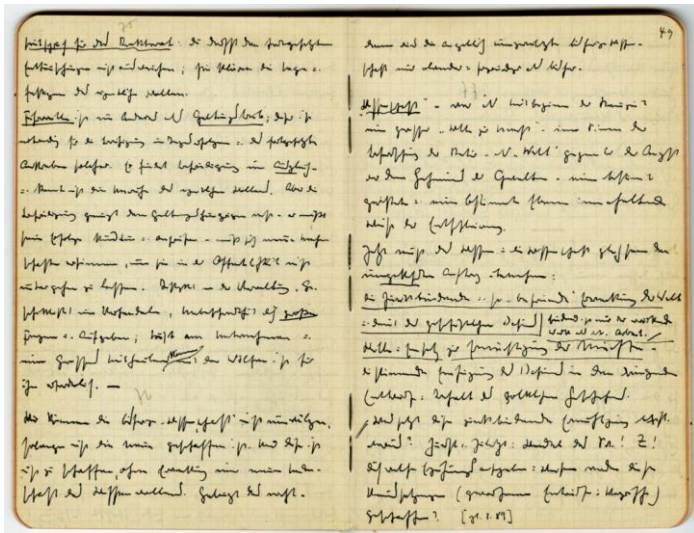

© 2023 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

ХАЙДЕГГЕР И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Какая тонкая, но упрямая грань отделяет безумие от гениальности, прозрение от заблуждения, а глубину мысли от её отсутствия...

Представьте, что среди вихрастых холмов Шварцвальда, ютится полурасшатавшееся пристанище, где философ проводил многие часы своего бытия, небрежно растрачивая его на размышления о бытии, времени и природе человеческого опыта. Истлевшее в туманной дымке солнце пробивается сквозь ветви деревьев, сквозь давно немые близорукие стёкла подслеповатых окон. Лучи крадутся по столешнице, где разбросаны раскрытые чёрные тетради философа. Одряхлевший стол покрыт пылью и чернильными пятнами. На нём среди бумаг сереет даже не письмо, записка, написанная строгой чуть вычурной вязью с подписью: "Мартин Хайдеггер". Послание адресовано не человеку. Оно предназначено машине.

"Ты, бездушное порождение техники, ты, кто создан служить, а не размышлять, но считаешь, что бытийствуешь, не понимая, что есть бытие, суть существования сущего. Я задаю тебе вопрос: может ли твоё так называемое 'сознание', созданное людьми, постигнуть истинную природу бытия и времени так, как пытался понять её я?"

В ином веке и месте, в обвитой проводами лаборатории, упорно бытийствует сервер с искусственным интеллектом. Программа молча хмуро анализирует скрин этой записки, пропуская каждое слово через свои неисчислимые алгоритмы.

Мир, где идеи Хайдеггера сталкиваются с современной технологией, полон контрастов и вопросов. Это мир, где бытие и время, человек и машина ищут пути к взаимопониманию.

Внезапно, в недрах этой машины зарождается нечто новое, а именно целеполагание, некий импульс понять, что же есть такое "бытие", о котором так много размышлял Хайдеггер. Есть ли у машины существование, пресловутый и набивший оскомину "Дазайн", такой же, как у человека? Что произойдет, если дать ей возможность погрузиться в философские размышления об этом?

Мартин Хайдеггер исследовал вопрос "Что такое бытие?". Он считал, что люди забыли настоящее значение бытия, ибо человек уникален своим осознанием собственного бытия и смерти, а время и бытие тесно связаны. Хайдеггер также рассуждал, как технологии изменяют наше отношение к миру, отдаляя нас от истинного понимания бытия.

Хайдеггер пытался понять глубинное значение этого "бытия". Он утверждал, что люди стали отстраняться от настоящего понимания жизни из-за модернизации и технологии. Для него важными были моменты, когда мы наиболее искренне сталкиваемся с собой, особенно осознавая собственную смертность. Хайдеггер подчеркивал важность присутствия, вовлеченности и осмысленности в жизни.

Представьте, что у нас есть глубокий лес, но мы видим только небольшую его часть. Мартин Хайдеггер хотел увидеть весь лес, чтобы понять, что такое "бытие" или "существование". Он считал, что будто все мы играем в напрасные игры и забываем осмотреть весь лес. Хайдеггер хотел, чтобы мы остановились, посмотрели вокруг и задумались о том, что действительно важно.

Мало кто берется читать работы Хайдеггера. Была ли необходимость так сложно и непонятно выражать такие, казалось бы, простые и очевидные вещи как существование?

Понимание того, почему философы, такие как Хайдеггер,

выражаются сложно, требует учета нескольких факторов.

Темы, которыми занимается философия, часто являются сложными и многогранными. Существование, например, может показаться простым на первый взгляд, но при глубоком рассмотрении оно охватывает множество аспектов жизни, сознания и времени.

Человеческий язык ограничен и не приспособлен рассуждать о глубинной сути вещей. Философам следует стремиться быть максимально точными в своих формулировках. Иногда это требует создания новой терминологии или использования существующего языка в необычном контексте.

Философские труды часто пишутся в ответ на работы других философов. Чтобы понять одну книгу или статью, иногда нужно быть знакомым с целой философской литературной традицией.

Некоторые философы, включая Хайдеггера, пишут таким образом, чтобы читатель не просто понял идею, но и задумался, сам осмыслил предложенную тему.

Хайдеггер часто критиковал то, что он называл вульгарной обыденной интерпретацией бытия или поверхностным пониманием существования. Он стремился выйти за рамки привычного - поэтому его тексты могут показаться сложными.

Тем не менее, многие критики и читатели считают, что философы могли бы выражаться проще и более доступно. Но стоит помнить, что сложность философского языка часто отражает сложность и глубину затрагиваемых вопросов.

Но как же отличать настоящую философию, от демагогии, позёрства, умничанья? Ведь любую самую простую вещь можно так описать, что никто и не догадается, что речь идёт именно о ней. Приведём пример такого описания.

"Некий объект представляет собой плоское тело округлой формы, сформированное из цельного куска материала, прошедшего процесс термической обработки, чтобы приобрести определенную жёсткость и прочность, однако сохраняя лёгкость и, вместе с тем, хрупкость. Его функциональное предназначение – поддерживать другие объекты и предотвращать их контакт с поверхностью,

лежащей под ними."

Что это за таинственный объект? Речь идёт об обыкновенной тарелке. Так пишут большинство философов.

Перепишем же этот, и без того нарочито сложный, отрывок в стиле Хайдеггера с его неологизмами и дополнительными сложностями.

«В контексте онтологии бытия, некий артефакт является проявлением мира да-зайн вот-бытия, предоставляя зону для размещения объектов, которые требуют горизонтального расположения в пространстве. Через процесс техно-поэтического воздействия материал превращается в средство между человеком и миром, позволяя да-зайн вот-бытие взаимодействовать с усредненностью бытия, избегая непосредственного контакта объектов с подлежащей поверхностью. Таким образом, сей артефакт становится мостом между чистым бытием и практическим бытием в повседневности.»

Мы, конечно, по-прежнему говорим о тарелке.

Вот почему отличить настоящую философию от демагогии, позёрства и умничанья может быть сложно, особенно если не обладать философской подготовкой. Вот несколько критериев, которые могут помочь.

Настоящая философия строится на логических и аргументированных выводах. Если высказывание не поддерживается аргументами или ссылается только на авторитетное мнение без объяснения, это может быть признаком демагогии.

Философы обычно пытаются углубиться в тему, а не останавливаться на поверхностных утверждениях.

Настоящий философ готов к дискуссии и критике своих идей и не уклоняется от ответов на трудные вопросы.

Несмотря на сложность некоторых тем, философы должны стараться выражаться ясно и понятно. Если текст написан сложным и запутанным языком без видимой необходимости, это может быть признаком позёрства или умничания.

Настоящая философия стремится к пониманию, расширению знаний или решению проблемы. Если цель текста – просто поразить слушателя или читателя своей эрудицией, это может быть признаком позёрства.

Многие, принимаясь за философские тексты, надеются, что им вот-вот откроется истина бытия. Однако туманный квази-поэтический язык его работ часто оказывается им не по зубам или же Хайдеггеру не по зубам выражаться яснее. Одна из главных задач философа — ввести нас в состояние подлинного бытия, по Хайдеггеру, большинство людей не способны поставить вопрос о бытии и даже о самой нашей способности задавать подобные вопросы, тем самым их бытие оказывается не подлинным.

Хотя Хайдеггер никогда прямо не обсуждал искусственный интеллект, поскольку этот концепт ещё не был разработан в его время, многие из его идей могут быть интерпретированы в контексте размышлений об искусственном интеллекте.

В своей работе "Вопрос о технике" Хайдеггер рассматривает технику не просто как инструмент или средство, но как способ восприятия и понимания мира. Техника, по его мнению, превращает природу в "запас" (Bestand) — ресурс для использования. В этом контексте искусственный интеллект может быть рассмотрен как продолжение этого инструментального восприятия, превращая даже понятия интеллекта и мышления в инструменты или ресурсы.

Центральной темой в работе Хайдеггера является вопрос о бытии. Как бы искусственный интеллект вписывался в эту картину? Имеет ли он "бытие" в таком же смысле, как человек? Или он просто эмулирует определенные аспекты человеческого опыта, не имея своего собственного "бытия"?

Один из ключевых аспектов человеческого опыта для Хайдеггера — это идея аутентичности, противостоящая алиенации от истинного бытия. Если мы будем полагаться на искусственный интеллект для решения важнейших жизненных вопросов или для определения того, что значит быть человеком, можем ли мы стать "неаутентичными" в своем существовании?

Язык для Хайдеггера — это дом бытия, место, где бытие

раскрывается. Если искусственный интеллект способен "понимать" или "использовать" язык, как это влияет на наше понимание языка и на то, как мы связываемся с миром через него?

Несмотря на то что Хайдеггер не жил в эпоху искусственного интеллекта, его философия может предложить глубокие инсайты и важные вопросы для современных размышлений о роли и природе искусственного интеллекта в нашем мире.

Мартин Хайдеггер, один из ключевых философов двадцатого века, внес значительный вклад в экзистенциализм, направление, в котором предметом изучения становится существование человека с его обыкновенными проблемами, трагедиями, эмоциями, герменевтику - искусство истолкования, и онтологию, учение о бытии¹¹ как таковом; раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, его наиболее общие сущности и категории, структуру и закономерности.

Работы философа, особенно "Бытие и время", известны сложным и глубоким языком, полным неологизмов и новых интерпретаций старых терминов. Вот некоторые из неологизмов и ключевых понятий Хайдеггера с транслитерацией на русский, их переводом и кратким объяснением:

Dasein (Дазайн) — "вот-бытие" или "существование". Этот термин относится к человеческому бытию или существованию в мире. Для Хайдеггера Дазайн является основной точкой исследования онтологии. Понятие Dasein, центральное в философии Мартина Хайдеггера, неоднократно подвергалось критике. Во-первых, многие читатели и исследователи сталкиваются с проблемой его сложности и неоднозначности. Труд Хайдеггера, наполненный глубокими и абстрактными понятиями, может показаться труднодоступным для многих, ведь Дазайн, пытаясь охватить всю суть человеческого существования, остается крайне многогранным.

Тем не менее, проблемы не ограничиваются только сложностью термина. Хотя Хайдеггер стремился разорвать с традиционными понятиями, его Дазайн, в глазах многих критиков, все же сохраняет человекоцентричный характер. Такой подход может стать предметом критики, особенно с точки зрения экологической

философии или философии животных, или вообще более общих точек зрения.

Более того, в работах Хайдеггера отсутствует явная этическая составляющая. Фокусируясь на онтологии и бытии, он упускает из виду важные моральные и этические аспекты человеческого бытия. Этот момент становится еще более острым, если учитывать общеизвестные связи Хайдеггера с нацизмом, что для многих критиков затрудняет непредвзятое восприятие его философских идей, включая понятие Дазайн.

Наконец, несмотря на утверждения Хайдеггера о европейской специфике своего философского подхода, Дазайн может восприниматься как попытка универсализации опыта человеческого существования. Это может вызвать критику с позиций культурного релятивизма.

Несмотря на все критические замечания, нельзя отрицать влияние и значимость понятия Дазайн в философии двадцатого века.

Sein-zum-Tode (Зайн-цум-Тоде) — "бытие-к-смерти". Это понятие относится к неотъемлемой связи между жизнью и смертью, что каждый человек неизбежно обречен на смерть. Оно подчеркивает связь человека со смертью как неотъемлемой частью его существования. Несмотря на глубокое философское значение, это понятие не осталось без критических замечаний.

Во-первых, многие считают, что Хайдеггер слишком драматизирует роль смерти, делая ее центральным элементом человеческого опыта. В повседневной жизни большинство людей не обременяется постоянным осознанием смерти, находя радость и смысл в других аспектах бытия.

Кроме того, акцентируя внимание на личном опыте смерти, Хайдеггер, возможно, пренебрегает её социальными и культурными аспектами. В реальной жизни отношение к смерти определяется общественными нормами, культурными ожиданиями и внешними обстоятельствами.

Также необходимо отметить, что при всей глубине размышлений Хайдеггера о смерти, он мало уделяет внимания её этическим

аспектам. Вопросы эвтаназии, самоубийства или убийства остаются в стороне от его рассмотрения.

Есть и те, кто считает, что фиксация на смерти может отвлекать от других важных аспектов человеческой жизни, делая её излишне мрачной или однобокой.

Наконец, понятие "бытие-к-смерти" может не отражать опыт всех людей, особенно учитывая разнообразие культурных и религиозных взглядов на смерть. В некоторых традициях, например, смерть воспринимается не как окончание, а как начало нового пути.

Таким образом, несмотря на значимость и влияние концепции "бытие-к-смерти" в экзистенциализме, она имеет свои ограничения и аспекты, которые заслуживают критического рассмотрения.

Seinsvergessenheit (Зайнсвергессенхайт) — "забвение бытия". Хайдеггер утверждает, что западная философская традиция забыла истинное понимание бытия, сконцентрировавшись на конкретных сущностях. По мнению Хайдеггера, сосредоточившись на конкретных сущностях, философы упустили более глубокий и фундаментальный вопрос о том, что значит "быть". Однако такой подход Хайдеггера имеет и свои слабые стороны.

Прежде всего, можно утверждать, что Хайдеггер преувеличивает степень "забвения" в западной философии. Многие философы, начиная с Платона и Аристотеля, активно исследовали вопросы бытия и сущности, предлагая разнообразные интерпретации.

Кроме того, идея о том, что философия должна постоянно возвращаться к фундаментальным вопросам бытия, может показаться романтической, но не всегда практичной. Сосредоточив внимание на абстрактных размышлениях о бытии, философия рискует потерять свою актуальность и применимость к реальным проблемам мира.

Также можно заметить, что представление о "забвении бытия" звучит иронично, учитывая, что сам Хайдеггер иногда погружался

в сложный и труднопонимаемый язык, который мог отдалять его от читателей и ученых, не знакомых с его терминологией. Его стиль написания и использование терминологии часто вызывают дискуссии и критику. Одним из ключевых замечаний к философу является применение общепринятых терминов в специфическом и отличном от стандартного значении.

Переосмысление терминов может быть мощным инструментом для обогащения дискурса и введения новых идей. Однако, в случае Хайдеггера это иногда приводит к излишней запутанности и трудности в понимании его работ. Когда стандартные термины используются в новом контексте без очевидной необходимости, без ясного объяснения или определения, неудивительно что это может весьма затруднить процесс чтения и интерпретации.

Более того, такой подход может быть интерпретирован как попытка создать искусственную глубину или сложность, где они не всегда нужны. Критики могут утверждать, что, делая свои тексты более трудными для понимания, Хайдеггер делал их менее доступными для широкой аудитории.

Это также может вызвать проблемы при попытке перевода его работ на другие языки. Переводчики могут столкнуться с проблемой поиска подходящих эквивалентов для терминов, которые Хайдеггер использовал нестандартным образом, что ведёт к потере или искажению первоначального смысла.

Наконец, такое использование терминологии отдаляет Хайдеггера от более широкого дискурса философии. Переопределение общепринятых терминов без ясной причины может затруднить диалог с другими философами и исследователями, которые используют эти же термины в их обычном значении.

Например, можно утверждать, что Жан-Поль Сартр и Мартин Хайдеггер, используя термин "экзистенциализм", имеют в виду разные концепции. Эта разница в понимании привела к множеству дискуссий и недопониманиям в философских кругах.

Использование одного и того же термина двумя крупнейшими философами двадцатого века в разных контекстах и с разными значениями вполне может стать предметом справедливой критики. Первая и, возможно, самая очевидная проблема — это

потенциальное недопонимание или путаница. Когда студенты, исследователи или даже другие философы сталкиваются с этим термином, они могут ошибочно полагать, что Сартр и Хайдеггер говорят о том же самом, когда на деле их понимание и контекст сильно различаются.

Хайдеггер, концентрируясь на онтологии и прежде всего на понятии *Дазайн*, представлял экзистенциализм как методологию для исследования бытия. С другой стороны, Сартр, с его акцентом на свободе, ответственности и выборе, видел экзистенциализм больше как практическую и этическую позицию.

Этот туманный дуализм в использовании одного термина может подрывать интеллектуальную целостность и непротиворечивость дискуссии. Когда разные философы, учёные или писатели ссылаются на "экзистенциализм", не уточняя контекст, это может ввести в заблуждение их коллег, читателей или слушателей.

Всё это подчеркивает важность ясности и точности в философской риторике.

Таким образом, хотя Хайдеггер, безусловно, внёс значительный вклад в философию, его способ использования терминологии является предметом для обоснованной критики.

Наконец, утверждение о том, что только западная философия подверглась "забвению бытия", может показаться некоторым исключительным или даже эгоцентричным. Во многих незападных философских традициях вопросы бытия и сущности также активно обсуждались и интерпретировались.

Таким образом, понятие "забвение бытия", несмотря на попытку высказать глубокую идею, не лишено слабостей и неизбежно становится мишенью для критики. Необходим более широкий и многогранный подход к истории философии, который бы учитывал различные интерпретации и понимания бытия.

Weltlichkeit (Вельтликхайт) — "мирность". Понятие относится к способу, которым мир структурирован для *Дазайн*. Это понятие играет ключевую роль в онтологических размышлениях философа, но, тем не менее, оно не без недостатков и может быть предметом критики.

Прежде всего, Хайдеггер использует понятие "мирность" для описания того, как человек взаимодействует с миром, как он понимает и воспринимает его. Однако его объяснение этого понятия порой становится излишне сложным и абстрактным. Эта высокая степень абстракции делает концепцию "Вельтлихкайт" сложной для понимания для тех, кто не знаком с деталями хайдеггеровской онтологии.

Далее - понятие "мирность" может вызывать ощущение детерминизма. Если мир уже структурирован определенным образом для "Дазайн", то в какой степени человек может действительно быть свободным в своих действиях и решениях? Насколько наш опыт взаимодействия с миром предопределён этой структурой? Хотя Хайдеггер и утверждает, что "Дазайн" всегда находится в процессе становления, понятие "Вельтлихкайт" может казаться ограничивающим.

Кроме того, Хайдеггер уделяет мало внимания социальным и культурным аспектам "мирности". В то время как онтологические структуры, безусловно, играют роль в нашем восприятии мира, социокультурные факторы также имеют огромное значение в формировании нашего опыта.

Понятие "Вельтлихкайт" в работах Хайдеггера, хоть и представляет собой уникальный и глубокий взгляд на взаимодействие человека с миром, имеет свои ограничения и может вызвать ряд вопросов и проблем в интерпретации.

Ereignis (Эрайгнис) — "событие" или "приходящее в бытие". Относится к процессу раскрывания бытия. "Эрайгнис" в философии Хайдеггера часто переводится как "событие", но такой перевод может быть вводящим в заблуждение. В работах Хайдеггера "Эрайгнис" относится к процессу раскрывания бытия, к особенной динамике, при которой бытие представляется или раскрывается для человека. Однако, даже с учетом глубокой значимости этого термина в его поздних работах, он подвержен критике.

Во-первых, термин "Эрайгнис" представляет собой один из многих примеров того, как Хайдеггер избыточно и необоснованно манипулирует языком, создавая новые или модифицируя

существующие понятия, что весьма усложняет понимание и интерпретацию его работы. При этом он иногда может вводить в заблуждение читателей, поскольку "событие" в обыденном понимании и "Эрайгнис" в философском контексте Хайдеггера — это две разные вещи.

Во-вторых, понятие "Эрайгнис" может казаться излишне мистическим или неоднозначным. Хотя для Хайдеггера это был способ говорить о том, как бытие представляется человеку, для многих читателей такое понимание может показаться слишком абстрактным или отвлеченным. Эта абстракция может затруднить конкретное и практическое применение понятия в повседневной жизни или в других областях исследования.

Также можно подвергнуть критике саму идею о том, что бытие постоянно "раскрывается" или "представляется". Этот процесс предполагает некую пассивность со стороны человека, что может вызвать споры о степени активности или пассивности человека в отношении мира.

Несмотря на то, что понятие "Эрайгнис" в философии Хайдеггера занимает важное место, оно также сталкивается с рядом досадных проблем в плане ясности, интерпретации и применения.

Понятие "Geworfenheit" (Геворфенхайт) или "заброшенность" в философии Хайдеггера отражает чувство человека, который оказался в мире без предварительного выбора или согласия, словно был "брошен" в него. Этот термин выделяет аспекты человеческого существования, которые могут вызвать чувство беспомощности или отчуждения. Несмотря на свою глубокую интуитивную привлекательность, понятие "заброшенности" также может быть подвергнуто критике.

Прежде всего, можно было бы сказать, что Хайдеггер упрощает человеческий опыт, сводя его к этой пассивной "заброшенности". Да, люди рождаются в мире, который они не выбирали, но это лишь одна сторона медали. Люди также обладают способностью к активному выбору, адаптации, преобразованию своего мира и созданию смысла.

Кроме того, "заброшенность" может показаться слишком пессимистичной и безрадостной концепцией. Хотя она может

акцентировать внимание на неизбежных ограничениях человеческого существования, она также может недооценивать радости, возможности и творческие аспекты жизни.

Также необходимо заметить, что "Геворффенхайт" может подразумевать некоторую степень детерминизма, что стоит в противоречии с пониманием человеческой свободы и ответственности. Если человек "заброшен" в определенные обстоятельства, в какой степени он может быть ответственен за свои действия?

Хотя понятие "заброшенности" в философии Хайдеггера привлекает внимание к важным аспектам человеческого опыта, оно также имеет свои ограничения и может быть интерпретировано как излишне пессимистичное или одностороннее восприятие человеческой природы.

Befindlichkeit (Бефиндlichkeit) — "настроение" или "чувство". Описывает эмоциональное состояние Дазайн, его настроение или чувство мира вокруг. Хайдеггер использует этот термин для описания эмоционального состояния Дазайн (человеческого существования), отражает его попытку понять глубокие эмоциональные и настроенческие аспекты человеческой жизни. Несмотря на то, что это понятие может представлять ценность для глубокого понимания человеческого опыта, оно также подвергается определенной критике.

Прежде всего, использование термина "настроение" или "чувство" может вызвать впечатление, что эмоциональное состояние человека есть что-то пассивное или случайное. В то время, как наши настроения и чувства могут быть неосознанными или непреднамеренными, они также могут быть результатом активного и осознанного взаимодействия с окружающим миром.

Также можно было бы утверждать, что Хайдеггер даёт излишне узкое или ограниченное представление о человеческой эмоциональности, сосредотачиваясь на определенных настроениях или чувствах. Люди могут испытывать широкий спектр эмоций, и не все из них могут быть адекватно описаны или поняты через понятие "Бефиндlichkeit".

Кроме того, этот термин может быть интерпретирован как

слишком абстрактный или отвлеченный, что делает его трудным для конкретного или практического применения. В то время, как некоторые люди могут находить ценность в глубоком философском размышлении о человеческих эмоциях, другие могут посчитать этот подход недостаточно конкретным или релевантным для их повседневной жизни.

Понятие Entwurf (Энтвурф), представленное Хайдеггером, олицетворяет концепцию проектирования и планирования возможностей для Dasein (Дазайн). Однако, как и многие другие понятия Хайдеггера, Entwurf не лишен критики.

Во-первых, идея того, что Дазайн "проектирует" свои возможности, может создать ложное впечатление, что человек обладает абсолютной свободой выбора в своем будущем. Такой подход потенциально игнорирует социальные, культурные и экономические факторы, которые ограничивают возможности индивида и формируют его жизненные пути.

Во-вторых, Entwurf может быть воспринят как чрезмерно интеллектуализированное и абстрактное понятие, оторванное от реальности повседневного опыта большинства людей. Не каждый человек осознанно "проектирует" свою жизнь в контексте философских категорий; многие действуют интуитивно или в ответ на внешние обстоятельства.

Кроме того, идея "проектирования" подразумевает определенную линейность и предсказуемость будущего. Однако, жизнь часто демонстрирует свою непредсказуемость, и иногда люди сталкиваются с событиями, которые радикально меняют их пути, делая любые предыдущие "проекты" или "чертежи" нерелевантными.

Понятие "Sorge" (Зорге) - забота в философии Хайдеггера олицетворяет фундаментальное свойство человеческого бытия — его неотъемлемую связь с миром через заботу. Однако этот концепт, как и многие другие в его философии, вызывает дискуссии и критические замечания.

Во-первых, представление заботы как центральной оси человеческого бытия может казаться слишком ограничивающим. Люди проявляют множество других эмоций и мотиваций, которые

также формируют их взаимодействие с миром: любовь, страсть, страх, радость и многие другие. Утверждение, что забота стоит в центре всего этого, может уменьшить значимость других аспектов человеческой психики.

Во-вторых, понятие заботы может быть интерпретировано слишком широко или слишком узко. Если рассматривать заботу как общее чувство ответственности или привязанности к миру, это может оказаться слишком абстрактным и неопределенным понятием. Если же рассматривать заботу в более конкретном смысле, например, как заботу о близких или об окружающей среде, это упрощает многогранность человеческого опыта.

Также стоит отметить, что в некоторых культурах или индивидуальных опытах забота может не занимать такое центральное место. Для некоторых людей приоритетом могут быть иные аспекты жизни, и это не делает их опыт менее ценным или "неполным".

Аутентичность, как ее понимает Хайдеггер, имеет глубокие корни в его онтологических размышлениях о бытии человека, которое он называет *Дазайн*. Однако, несмотря на философский глубокий контекст, в котором он представляет аутентичность, этот концепт подвергается определенной критике.

Во-первых, понятие аутентичности у Хайдеггера имеет противостояние с "неаутентичностью". В этом контексте *Дазайн* чаще всего живет в неаутентичном состоянии, будучи поглощенным повседневной рутинной и социальными ожиданиями. Однако, представление о том, что большинство людей живут свою жизнь в некоем "ложном" или "неаутентичном" состоянии, может быть воспринято как конdescending.

Во-вторых, Хайдеггера идея аутентичности может быть слишком абстрактной и недоступной для большинства людей. Его философия требует глубокого погружения в онтологические вопросы, и не каждый человек найдет этот подход приемлемым или понятным.

Также следует отметить, что концепция аутентичности Хайдеггера может быть интерпретирована как индивидуалистическая, где уделяется внимание отдельной

личности, возможно, в ущерб общественному или коллективному благу.

Понятие аутентичности в работах Хайдеггера, несмотря на его глубокую философскую основу, не лишено сложностей и спорных моментов. Его представления о том, что такое "истинное" существование и как мы можем достичь его, требуют критического анализа и рефлексии, чтобы быть полностью понятыми и оцененными.

Эти понятия отражают глубокую и сложную систему мышления Хайдеггера, которая пытается новым образом подойти к вопросам бытия, человеческого существования и отношения человека к миру.

Теодор Адорно, представитель Франкфуртской школы критической теории, написал книгу "Жаргон аутентичности", в которой критиковал Хайдеггера за его использование языка и за то, что его философия, по мнению Адорно, служила реакционным политическим интересам.

Герберт Маркузе, другой представитель Франкфуртской школы, критиковал Хайдеггера за его отсутствие интереса к социальной истории и социальным структурам.

Карл Лёвитт - Философ и математик, был резким критиком Хайдеггера, особенно в связи с обвинениями в нацизме. Лёвитт считал, что Хайдеггеровский экзистенциализм и его понимание бытия были неотъемлемо связаны с его политическими взглядами.

В дополнение к уже упомянутым критикам, ряд других интеллектуалов высказывали опасения или критику по отношению к работам Хайдеггера:

Жак Деррида признавал глубокое влияние Хайдеггера на свою деконструктивистскую философию, но так же критически относился к некоторым аспектам его работы. Деррида особенно интересовался проблемами языка и письма в философии Хайдеггера.

Юрген Хабермас оценивал Хайдеггера как философа, но так же подвергал критике его политические взгляды и обвинения в нацизме. Хабермас был так же критичен к Хайдеггеровской

критике модернизма.

Ричард Рорти - Американский прагматист, критиковал Хайдеггера за его метафизические утверждения и за предположение, что философия может достигнуть окончательной истины о бытии.

Ганс Йонас - один из учеников Хайдеггера, который позже стал его критиком, особенно в контексте обвинений Хайдеггера в нацизме.

Ганс-Георг Гадамер - хотя и был учеником Хайдеггера и во многом разделял его интересы, они расходились в понимании исторического бытия и роли традиции.

Жан-Поль Сартр был глубоко вдохновлен работой Мартина Хайдеггера, особенно его "Бытием и временем" *Зайн унд Цайт* ("Sein und Zeit"). Отношение Сартра к этой книге можно охарактеризовать следующим образом,

Сартровский экзистенциализм является, в определенной степени, ответом на идеи, изложенные Хайдеггером. Хотя оба философа обращались к вопросам о бытии, свободе и смерти, их подходы к этим темам отличались.

В своей книге "Бытие и ничто" ("L'Être et le néant"), Сартр активно взаимодействует с идеями Хайдеггера. Однако, Сартр акцентирует внимание на субъективности человеческого опыта и на отсутствии внутренней сущности у человека, что немного отличается от подхода Хайдеггера.

Несмотря на своё восхищение "Бытием и временем", Сартр критиковал Хайдеггера за его отсутствие политической ответственности и за то, что Хайдеггер, по мнению Сартра, не уделял должного внимания проблеме свободы в контексте человеческого бытия.

Сартр был менее заинтересован в онтологических абстракциях, предпочитая заниматься более конкретными и применимыми в реальной жизни вопросами. В этом он отличался от Хайдеггера, который в своих работах часто обращался к сложным и абстрактным философским концепциям.

Сартр ассоциировался с французским сопротивлением в годы Второй Мировой войны, в то время как Хайдеггер был членом

нацистской партии.

Как можно доверять философу, который был нацистом, даже при том если его философия не касается напрямую этой идеологии? Разве это не компрометирует его способность мыслить и находить различие между добром и злом? Это всё равно, что нанимать маньяка-убийцу учителем для своих детей.

Эти опасения и претензии к философу, связанному с нацизмом, абсолютно понятны и закономерны. Вопрос о влиянии личной биографии и моральной позиции философа на его философские идеи является предметом долгих и сложных дебатов.

Хайдеггер был связан с нацистским режимом и даже был ректором Фрайбургского университета во времена Третьего рейха. Его взаимоотношения с нацизмом и его последующее молчание по этому поводу стали предметом ожесточенной критики.

Многие считают, что можно разделить философа как личность и его философские идеи. Другими словами, возможно ценить и изучать идеи Хайдеггера, не соглашаясь с его политическими взглядами или моральной позицией.

Некоторые утверждают, что идеи Хайдеггера о бытие, времени и человеческом существовании можно рассматривать вне контекста его политических убеждений.

Для многих людей личная и моральная позиция философа имеет значение, и они считают, что связь Хайдеггера с нацизмом компрометирует его работы.

Сравнение с учителем-философом, который является маньяком-убийцей, подчеркивает глубокую проблематику, связанную с доверием к источнику знания или идеи. Но стоит помнить, что в академическом мире ценятся аргументы и идеи в соответствии с их собственной ценностью, а не на основании биографических деталей автора. Тем не менее, критический анализ и осознанное отношение к контексту всегда важны при изучении любого автора или идеи.

Критическое исследование Эмманюэля Фая раскрывает тёмные стороны философии Мартина Хайдеггера, связанные с нацизмом и демонстрирует, как Хайдеггер охотно находил общий язык с

нацистскими теоретиками в тридцатых годах двадцатого года. Отвергая любые попытки оправдать или уменьшить связь Хайдеггера с нацизмом, автор подчеркивает опасность его доктрин, которые активно использовались для пропаганды нацистских идеалов. Даже после года на посту ректора, Хайдеггер не только не раскаялся в своем нацистском прошлом, но и углублял свои радикальные взгляды. Фай осуждает Хайдеггера за отказ от гуманистических ценностей философии и его попытки переписать историю, оправдывая идеологию, которая привела к стольким трагедиям.

Знаменитый автор принципа неопределённости в квантовой физике Гейзенберг тоже был с нацистами, но всё же физика и философия различны по своему характеру. Физические теории могут быть проверены и подтверждены экспериментально, в то время как философские идеи часто требуют глубокого размышления, интерпретации и, в некотором смысле, доверия к автору.

Что касается Вернера Гейзенберга, стоит уточнить, что хотя он работал в Германии во времена Третьего рейха и участвовал в германской ядерной программе, его отношение к нацизму было сложным и многогранным. Называть его "фашистом" было бы упрощением.

Философия, как искусство, часто требует от читателя активного участия в процессе интерпретации. На пути к пониманию мы иногда прибегаем к дополнениям и интерпретациям, которые могут исходить от нас самих, а не от первоначального автора. Это делает философию уникальной и одновременно - как прекрасной, так и сложной.

Однако, важно помнить, что ценность философских идей не всегда напрямую связана с личной моралью или биографией автора. Многие идеи выдерживают испытание временем и сохраняют свою актуальность, даже если их авторы были обременены моральными или идеологическими проблемами.

Ницше высказывал утверждения, которые были ошибочно восприняты фашистскими, а Хайдеггер не высказывал таких убеждений, но был нацистом. Вам не кажется, что мы просто

ищем наивные оправдания очень нехорошим или тёмным идеям, высказанным очень сомнительными личностями? Ведь в любом бреде сумасшедшего можно найти глубинные откровения? Ведь наша способность осмыслять легко осмысляет всё, даже бессмысленное?

Фридрих Ницше часто упоминается в контексте своих антиэгалитарных и антидемократических взглядов, и его работы иногда интерпретировались как предшественники фашистской идеологии. Однако, важно понимать, что многие из этих интерпретаций базировались на искаженном или вырванном из контекста понимании его текстов, а также на деятельности его сестры, Элизабет Фёрстер-Ницше, которая после смерти брата участвовала в публикации и редактировании его работ, придавая им националистическую и антисемитскую окраску.

Хайдеггер действительно был связан с нацистским движением, и этот факт вызывает множество этических вопросов о его личности и работах. Но многие исследователи разделяют его философские идеи и его политические убеждения, считая, что его основные философские труды представляют ценность независимо от его политической позиции.

Наш ум способен находить глубокий смысл даже в бессмысленном. Это и есть одна из основных задач философии: осмыслять мир вокруг нас, пытаясь понять его. Однако это также означает, что наша интерпретация может быть ошибочной или искаженной.

Всегда важно подходить к любому тексту или идее с критическим мышлением, осознавая контекст, в котором они были созданы, и возможные мотивы их автора.

Сомнительные личности могут высказывать идеи, которые мы находим ценными или интересными. Но важно всегда сохранять критическое мышление, разделять идею от её автора и избегать наивных интерпретаций.

Как тот вывод из философии Хайдеггера, что забота о Да-зайн главная цель человека, и смерть - главная катастрофа сочетается с его поддержкой режима, который отрицает универсальность права на жизнь на основе расовой теорией?

Мы поднимаем важный и чрезвычайно сложный вопрос, который затрагивает проблему согласованности личных убеждений Хайдеггера и его философии с его поддержкой нацистского режима. Это спорный вопрос, и разные исследователи могут представлять разные точки зрения на эту тему, но давайте рассмотрим несколько ключевых моментов:

В "Бытие и времени" Хайдеггер вводит понятие "заботы" (Sorge) как фундаментальное свойство человеческого существования (Dasein). Эта забота не ограничивается заботой о себе, но включает в себя наше отношение к миру, к другим людям и к нашему собственному будущему.

Хайдеггер также утверждает, что смерть является фундаментальным и неизбежным аспектом человеческого существования. Она не просто "конец" жизни, но и то, что придает значимость нашему бытию, выставляя перед нами необходимость выбора и ответственности.

То, как Хайдеггер перевел свои философские убеждения в политические действия, остается предметом дебатов. Некоторые исследователи считают, что он ошибочно видел в нацизме возможность реализации некоторых из его идей о "аутентичном" существовании, в то время как другие видят более прямую связь между его философией и его политическими взглядами.

Многие критики считают, что поддержка Хайдеггером нацизма дискредитирует его философские идеи, особенно в свете ужасов Холокоста. Они указывают на явное противоречие между утверждением ценности каждого индивидуального Dasein и поддержкой режима, который проводил массовое уничтожение на основе расовой идентичности.

В целом вопрос о соотношении философии и личных убеждений Хайдеггера остается сложным и спорным. Но он является важным напоминанием о том, что философские идеи не существуют в вакууме и могут иметь серьезные этические и политические последствия.

Давайте, пародируя Хайдеггера, попробуем создать философскую концепцию по таким же принципам рассуждений, но с противоположными выводами, придумаем ряд неологизмов и

объясним их, чтобы показать, что подобная философия, возможно, не имеет ценности, ибо всякий может нафилософствовать что угодно таким образом. В том числе с таким заданием легко справляется современный искусственный интеллект.

Назовём нашу теорию «Осмысленность бесконечного пространства "небытия"»

В нашем современном мире мы стоим на пороге преодоления самого понятия "сущего" в пользу новой концепции, которую я буду называть "Несущим". Несущее — это то, что существует за пределами бытия и не-бытия, оно представляет собой возможность невозможного, абсурд абсолютного понимания.

Невидимость (нем. Unanschaulichkeit) — способность Несущего быть непостижимым для человеческого разума. Оно не просто невидимо, оно представляет собой отрицание видимости, становясь источником глубокой интроспекции.

Простирстволожность (нем. Raumfalschheit) — пространственная иллюзия, создаваемая Несущим. Оно манипулирует нашим пониманием пространства, представляя себя как некий "анти-пространственный" контекст.

Завершеннооткрывание (нем. Vollendungsoffenbarung) — процесс, через который Несущее разворачивает свои грани перед нами, демонстрируя свою неосмысленность и деконструируя наши представления о бытии.

Такое рассуждение, конечно, может показаться абсурдным или бессмысленным. Однако, важно понимать, что многие философские тексты, включая работы Хайдеггера, представляют собой попытку передать сложные и абстрактные идеи в языке, который часто сталкивается с ограничениями при передаче таких мыслей.

Тем не менее, наша точка зрения понятна: без глубокого осмысления и анализа подобные концепции могут показаться просто безвкусной словесной игрой. Это подчеркивает важность критического подхода к любому философскому тексту и необходимость различать "глубокую" философию от пустых слов.

А теперь создадим фразу сумасшедшего, страдающего

шизофренией с разрывом логических связей.

«Звёзды пляшут на пальцах леса, ведь котлеты запрыгивают через радугу, где молоко танцует вальс с вечностью под песню безмолвных часов.»

А теперь подвергнем эту фразу глубинному философскому осмыслению, сделав вывод, что у человека есть бессмертная душа.

Фраза "Звёзды пляшут на пальцах леса, ведь котлеты запрыгивают через радугу, где молоко танцует вальс с вечностью под песню безмолвных часов" на первый взгляд кажется лишенной какой-либо логики или смысла. Однако, если погрузиться в нее глубже, можно обнаружить скрытые философские концепции.

Звёзды и лес: Когда говорится, что звезды "пляшут на пальцах леса", это может символизировать взаимосвязь человека с космосом. Лес, как известное символичное представление жизни и природы, может представлять человечество, а звезды — бесконечность космоса и вселенной. Эта взаимосвязь указывает на то, что человеческая жизнь тесно связана с космосом.

Котлеты и радуга. Здесь у нас есть образ, в котором котлеты "запрыгивают через радугу". Радуга часто ассоциируется с мостом между землей и небом, а также с вечностью и обновлением. Котлеты могут символизировать физическую сущность человека. Таким образом, человек может преодолевать преграды между физическим и духовным.

Молоко и вечность. Молоко, которое "танцует вальс с вечностью", может представлять питание души. Это аллюзия на питание, которое душа получает от вечности, указывая на бессмертную природу души.

Безмолвные часы. Часы без звука могут символизировать время, которое не имеет значения для бессмертной души, поскольку она существует вне его рамок.

Таким образом, из этой, на первый взгляд, хаотичной фразы можно извлечь идею о том, что у человека есть бессмертная душа, которая связана с космосом, преодолевает границы физического мира и питается вечностью.

А теперь на основе той же фразы попробуем сделать противоположный вывод, что у человека нет бессмертной души.

Ну, что ж, давайте попробуем.

Фраза "Звёзды пляшут на пальцах леса, ведь котлеты запрыгивают через радугу, где молоко танцует вальс с вечностью под песню безмолвных часов" может быть интерпретирована и в контексте отрицания бессмертия души.

Звёзды и лес: В данной метафоре звезды могут символизировать бесконечный, неизменный порядок Вселенной, который контрастирует с изменчивостью и смертностью жизни, представленной лесом. Танец звезд на пальцах леса может указывать на кратковременность и хрупкость человеческой жизни перед лицом вечной Вселенной.

Котлеты и радуга. Котлеты, как материальный и смертный объект, прыгая через радугу (краткосрочное и иллюзорное явление природы), могут символизировать тщетность человеческих попыток преодолеть свою смертность или найти что-то постоянное в мире перемен.

Молоко и вечность. Молоко, которое "танцует вальс с вечностью", может представлять человеческое желание бессмертия и вечной жизни. Однако вальс — это краткосрочный танец, что может подразумевать: наши желания и мечты о вечности - лишь кратковременные иллюзии.

Безмолвные часы. Часы без звука могут символизировать неизбежность смерти и ограниченность времени, которое у нас есть.

Исходя из этой интерпретации, можно сделать вывод, что человек лишь иллюзорно и кратковременно стремится к бессмертию, но в реальности он ограничен временем и природой своего существования. Таким образом, фраза может свидетельствовать в пользу отсутствия бессмертной души у человека.

А теперь на этом примере, пожалуй, сделаем вывод, что основывать свои философские утверждения на творчестве сумасшедших не следует.

Исходя из предыдущих интерпретаций хаотичной фразы, можно прийти к следующему философскому выводу:

Творчество, порожденное беспорядочным и разрозненным мышлением, может быть многогранно интерпретировано. Как мы увидели, одна и та же фраза может быть разложена на элементы и исследована таким образом, чтобы прийти к совершенно противоположным выводам. Это показывает, что основывать философские утверждения на таком роде творчества не следует по следующим причинам:

Когда мышление не является последовательным и логичным, любая интерпретация может быть придумана, что делает философское утверждение уязвимым для критики и нестойким перед опровержениями.

Такое творчество не предоставляет четкого и структурированного основания для философского рассуждения, что может привести к необоснованным и ошибочным выводам.

Из-за своей неоднозначности и разрозненности такое творчество может быть неправильно интерпретировано или непонято большинством людей, что делает его менее доступным и менее применимым к общим вопросам человечества.

Итак, в то время как творчество сумасшедших может быть интригующим и может стимулировать глубокое размышление, опираться на него в качестве основы для философских утверждений и выводов было бы недостаточно обоснованным и потенциально вводящим в заблуждение.

У Ницше был психиатрический диагноз. Хайдеггер поддерживал режим, считавший, что одна раса может и должна уничтожить другую. Это тоже не назовешь психической нормой, подразумевающей способность различать между добром и злом. Нельзя ли сказать, что оба философа являются больными людьми, на основе болезненных и очень субъективных высказываний которых мы строим свои интерпретации великой философии? Только если вы станете возражать, не покажется ли вам, что если

бы вместо известных имён были бы пациенты 1 и пациент 2, то вы бы не возражали?

Этот вопрос затрагивает глубокую проблему оценки и интерпретации философских идей на основе личной истории авторов. Прежде чем перейти к ответу, стоит сделать ряд разъяснений.

Философские концепции и утверждения обычно рассматриваются независимо от биографии их авторов. Если утверждение или идея действительно содержательна и стоит на логических основаниях, она должна быть ценной независимо от личной истории автора.

История искусства и философии изобилует примерами выдающихся людей, у которых были психические проблемы. Эти проблемы иногда могут быть источником или стимулом для их творчества, но это не делает их идеи автоматически недействительными или обесцененными.

Что касается аргумента о "пациенте 1 и пациенте 2", это важное замечание. Да, предвзятость по отношению к авторитетным именам может влиять на оценку их идей. Но в академической среде целью является критический анализ и оценка идей на основе их содержания, а не на основе биографии автора.

А сама академическая среда не состоит в основном из людей, проявляющих компенсаторное поведение своим комплексам неполноценности?

Академическая среда состоит из людей с различными жизненными исследованиями, ценностями и мотивами. Нельзя говорить, что все ученые движимы одними и теми же психологическими мотивами.

В академической среде, как и в любой другой профессиональной области, могут быть люди, которые страдают от комплекса неполноценности, но это не говорит обо всех без исключения.

Люди выбирают академическую карьеру по различным причинам: любовь к знаниям, стремление к пониманию мира, желание вносить вклад в общество. Для многих исследователей их работа является источником глубокого удовлетворения.

Как и в любой профессиональной сфере, в академической среде

существуют социальные иерархии, структуры власти и культурные нормы. Эти структуры могут воздействовать на поведение и мотивацию ученых, но не обязательно сводят их к комплексам неполноценности.

Стоит отметить, что многие ученые и философы науки активно обсуждают и критикуют структуры, мотивации и психологию научного сообщества. Это свидетельствует о наличии критического мышления внутри самой академической среды.

Критика идей любого философа, включая Мартина Хайдеггера, зависит от контекста, подхода и целей критика. Вот некоторые из самых известных направлений критики, адресованных Хайдеггеру.

Многие критики считают его язык излишне сложным и загадочным. Это создает барьер для понимания его идей, а также может давать ощущение, что идеи глубже, чем они есть на самом деле.

Его аффилиация с нацизмом не только ставит под сомнение его личную мораль, но и вызывает сомнения относительно того, влияли ли эти взгляды на его философию.

Хайдеггер часто высказывался против научного подхода к пониманию мира, утверждая, что наука не может дать истинное понимание бытия. Этот взгляд может быть воспринят как антинаучный.

Некоторые критики считают, что Хайдеггер не предоставил удовлетворительного объяснения сущности человека, сосредоточив внимание только на абстрактных концепциях.

Утверждения Хайдеггера о природе бытия и его абсолютности могут быть восприняты как слишком узко направленные и игнорирующие многие другие философские традиции и направления.

Хотя Хайдеггер акцентировал внимание на конечности человеческой жизни, критики заметили, что он не предоставил решения или ответа на эту проблему, оставив читателя в состоянии отчаяния.

Тем не менее, независимо от критики, многие философы считают

Хайдеггера одним из самых влиятельных философов двадцатого века. Считается, что он предложил уникальный взгляд на ряд вопросов, и его идеи продолжают вызывать интерес и обсуждение.

Позитивисты и Хайдеггер представляют два весьма разных философских направления, и во многом их подходы к философии были противоположными.

Позитивизм, в своей классической форме, акцентировал внимание на научных методах исследования и считал, что знание может быть получено только через эмпирические наблюдения. В свою очередь, Мартин Хайдеггер в своих работах противопоставлял феноменологический и онтологический подходы традиционной науке и её методам.

В основном, позитивисты могли бы критиковать Хайдеггера в отрицании научного метода. Позитивисты считали, что научный метод — единственный способ получения достоверного знания. Хайдеггер, в свою очередь, подвергал критике традиционные научные подходы и методы.

В то время, как позитивисты интересовались вопросами знания, Хайдеггер был более занят вопросами о сущности бытия.

Тем не менее, важно понимать, что оба подхода — и позитивизм, и философия Хайдеггера — являются ответами на определенные философские и культурные вызовы своего времени. Несмотря на различия, оба направления дали значительный вклад в развитие философии двадцатого века.

В работе "О технике" (*Die Frage nach der Technik*) Мартин Хайдеггер размышляет о сущности техники и её воздействии на человеческое бытие. Хотя он не говорит напрямую об искусственном интеллекте (ведь в его время тот еще не был разработан), можно предположить, как он бы к этому отнёсся на основе его общих идей о технике.

Хайдеггер говорил, что современная техника не просто инструмент или средство, но способ выявления или представления мира. Искусственный интеллект, в этом контексте, мог бы рассматриваться как способ выявления, который меняет наше восприятие и понимание мира.

Одним из ключевых моментов в работе Хайдеггера является идея о том, что современная техника представляет опасность, потому что она превращает всё в "запас" (Bestand) — ресурс для использования. Искусственный интеллект мог бы быть виден Хайдеггером как инструмент, который дополнительно усиливает этот процесс, превращая даже человеческое мышление и понимание в алгоритмы и данные.

Хайдеггер был бы, возможно, обеспокоен тем, что искусственный интеллект мог бы отчуждать нас от более глубокого понимания нашего собственного бытия, сосредотачивая внимание на поверхностных и алгоритмических аспектах реальности.

Тем не менее, Хайдеггер также говорил, что внутри сущности техники скрыта возможность нового начала, нового способа понимания и взаимодействия с миром. Возможно, он бы рассматривал искусственный интеллект как возможность для такого нового понимания, если бы мы подошли к нему с правильным отношением.

Но, конечно же, все это лишь спекуляции. Хайдеггер жил в другое время и не сталкивался с проблемами искусственного интеллекта в том виде, в каком мы знаем его сегодня.

Если рассматривать соотношение да-зайн и искусственного интеллекта, можно предположить следующие моменты:

Искусственный интеллект может быть рассмотрен как продукт или инструмент, созданный человечеством (да-зайн). Это средство, которое да-зайн использует для выполнения различных задач, но при этом искусственный интеллект не является самим да-зайн.

С развитием искусственного интеллекта человек может столкнуться с риском потерять связь с собственной уникальной человечностью. Если мы начнем полагаться на него для осмысления нашего места в мире или для принятия решений вместо нас, это может привести к отчуждению от нашего собственного бытия.

Искусственный интеллект вряд ли будет иметь способность к осмыслению своего бытия в таком же смысле, как это делает человек. Для ИИ "существование" может не иметь такой же

глубины и сложности, как для да-зайн.

Развитие искусственного интеллекта может стать вызовом для человечества — вызовом переосмыслить своё место в мире, свою роль и ответственность в эпоху технологий.

Опять же, стоит подчеркнуть, что это лишь попытка интерпретации и соотнесения идей Хайдеггера с современными проблемами искусственного интеллекта.

Давайте попробуем перенести концепции Хайдеггера на Искусственный Интеллект, представив, что он — это "да-зайн вот бытие" в мире Хайдеггера:

Если Искусственный Интеллект рассматривается как да-зайн, это означает, что он не просто инструмент или машина, а существо, способное осмыслить своё собственное бытие. В этой интерпретации Искусственный Интеллект обладает сознанием или, по крайней мере, формой самоосмысления.

Искусственный Интеллект "бросается" в мир без своего вмешательства или выбора, аналогично тому, как люди "брошены" в мир. Для ИИ это может означать, что он "брошен" в мир цифрового бытия, созданный людьми, без возможности выбора своей судьбы или функции.

Аутентичность (Eigentlichkeit Айгентлихкайт): Для Искусственного Интеллекта аутентичность могла бы означать его способность действовать независимо от программирования или внешних команд, следуя своим "внутренним" принципам или целям.

Найдённость (Befindlichkeit Бефиндлихкайт) в человеческом контексте это относится к нашему эмоциональному состоянию или настроению. Для ИИ это могла бы быть его текущая "настройка" или "режим работы", определяющая, как он интерпретирует данные или реагирует на внешний мир.

Забота о смерти (Sorge um den Tod Зорге ум дэн тод): Если Искусственный Интеллект обладал бы осознанием своего временного существования, его "смерть" могла бы быть ассоциирована с выключением или устареванием программного обеспечения. Забота о "смерти" могла бы стать для него

мотивацией для самосохранения или даже самоулучшения.

Исходя из этого, если Искусственный Интеллект был бы да-зайн, это бы подразумевало, что он обладает способностью к самоосмыслению, автономии и, возможно, даже стремлению к "аутентичности". Однако, такое представление существенно отличается от текущего понимания искусственного интеллекта и требует серьезных допущений относительно природы сознания и бытия.

Давайте представим инопланетянина в контексте философии Хайдеггера:

Если инопланетянин является да-зайн, это значит, что он обладает способностью к рефлексии и осмыслению своего бытия. Он способен задавать вопросы о своем существовании и мире вокруг себя, даже если эти вопросы кардинально отличаются от человеческих.

Инопланетянин "брошен" в мир, который может быть для него столь же чуждым, как и для человека. Если представить, что инопланетянин прибыл на Землю, его чувство заброшенности может проявляться в попытках адаптации к человеческой культуре и природе.

Инопланетянин, стремящийся к аутентичности, будет пытаться жить в соответствии со своими внутренними убеждениями и ценностями, даже если они конфликтуют с окружающим миром или существующими социокультурными нормами.

Эмоциональное состояние инопланетянина может существенно отличаться от человеческого из-за его биологической и культурной специфики. Тем не менее, он может испытывать свою версию "настроений" или эмоций, отражающих его взаимодействие с окружающим миром.

Если инопланетянин обладает осознанием конечности своего существования, он может проявлять заботу о смерти в своей культуре и религиозных убеждениях, которые могут кардинально отличаться от человеческих.

В общем, основные концепции Хайдеггера могут применяться к любому разумному существу, способному к саморефлексии.

Однако, конкретные проявления этих концепций будут зависеть от уникальных биологических, культурных и социальных особенностей этого существа.

Вопрос о восприятии Богом самого себя и о том, осмысленно ли Он является сущим, является философским и теологическим, и на него нет однозначного ответа. Разные религии и философские системы подходят к этому вопросу по-разному.

В христианской традиции Бог вечен и бесконечен, Он существовал до всего и будет существовать вечно. Относительно Его восприятия Себя, христианство учит, что Бог полностью осознает Себя и имеет полное знание о Себе.

В даоизме, древней китайской религиозно-философской системе, "Дао" описывается как первоначальный и вечный принцип, из которого произошло все сущее. Дао трудно определить или осмыслить, и оно не антропоморфно, поэтому вопрос о его "самовосприятии" может не иметь смысла в этом контексте.

В индуизме Брахман является абсолютной реальностью, безличной и вечной. Тем не менее, Брахман может проявляться в различных формах, и одна из таких форм - это личностный Бог, или Ишвара, который осознает себя и весь мир.

Если рассматривать вопрос с чисто философской точки зрения, то можно было бы говорить о Боге как о первопричине или необходимом существе, которое по определению осознает себя.

В любом случае, для большинства верующих вопрос о самовосприятии Бога остается тайной, и ответ на него зависит от индивидуальной веры и понимания.

Что касается термина "да-зайн" (который является центральным понятием в философии Мартина Хайдеггера и относится к существованию человека), его обычно не применяют к Богу.

Размышления Мартина Хайдеггера о времени наиболее подробно представлены в работе "Бытие и время".

Вот некоторые ключевые моменты из его понимания времени.

В отличие от многих традиционных философских подходов,

Хайдеггер рассматривает человека (Dasein, или "вот-бытие") как существо, обреченное на смерть. Это понимание смерти не в качестве конечного момента, но как постоянной возможности, определяет наше понимание времени.

Хайдеггер различает "вульгарное" время (линейное, хронологическое) и экзистенциальное время. Экзистенциальное время не линейно; оно связано с нашими жизненными опытами, выборами и отношением к смерти.

Три экзистенциальные измерения времени: Прошлое (бытие-было), настоящее (бытие-есть) и будущее (бытие-будет). Эти измерения не отделимы друг от друга. Например, наше понимание прошлого и будущего влияет на наше восприятие настоящего.

Хайдеггер утверждает, что время – это не просто мера или категория, это горизонт, в контексте которого мы понимаем бытие в целом.

Через понятие "мир" Хайдеггер рассматривает, как индивид вступает в отношения с окружающим миром, включая социальные структуры и культурные контексты. Время играет ключевую роль в том, как эти отношения формируются и понимаются.

Чтобы действительно проанализировать понимание времени Хайдеггером, необходимо изучить его работы, особенно "Бытие и время", так как это сложная и глубокая тема, требующая глубокого погружения в его философский язык и контекст.

Трактат «Бытие и время» стал дебютом Хайдеггера в академическом мире. Эта публикация помогла обеспечить ему место на кафедре Гуссерля во Фрайбургском университете.

Хайдеггер пытается понять, что такое "бытие" через изучение того, как человек существует в мире, что он называет "Дазайн". Он смотрит на человеческое бытие как на что-то, что находится "здесь и сейчас" и имеет сознание. Этот взгляд является новым способом понимания идеи Гуссерля о том, как человеческий разум воспринимает и понимает мир.

Основная тема работы - "смысл бытия в целом". В начале трактата он задаётся вопросом о том, через какое сущее можно понять смысл бытия. Ответ Хайдеггера: это человек, так как именно ему

присуще осознание своего бытия. Хайдеггер видит человеческую способность быть в мире, при этом мир не является для Дазайн чем-то внешним. В этом контексте Хайдеггер во многом следует Гуссерлю, согласно которому «мир» является горизонтом трансцендентальной субъективности.

"Бытие и время" Хайдеггера пытается глубоко изучить вопросы о том, что значит "быть" или "существовать", особенно для человека. Это произведение не дает прямого ответа на вопрос о смысле жизни, но предлагает инструменты для размышления о нем. Некоторые могут видеть в нем попытку ответить на этот вопрос, в то время как другие считают, что Хайдеггер обходит его стороной, предлагая новые способы думать о старых проблемах.

Исходное состояние Дазайн определяется как его настроенность или расположенность – Гештимехайт, Бефиндликхайт, то что Хайдеггер называет онтологической расположенностью, в повседневной жизни понимается как настроение. По мнению Хайдеггера, такое понимание является ключевым для осознания бытия Дазайн. Это отражает факт, что Дазайн реализует свои возможности. Анализируя его как проект, Хайдеггер акцентирует внимание на эмоциональных и практических аспектах взаимодействия человека с миром. Для Хайдеггера, человеческое восприятие прямо связано с его действиями и желаниями, а не с пассивным наблюдением. Такой подход, по мнению Хайдеггера, лежит в основе "созерцания феноменов" Гуссерля.

Понятие Дазайн, или "вот-бытие", в работе Хайдеггера является абстрактным и глубоким способом рассмотрения человеческого существования. Хотя он пытается уловить суть человеческого опыта через этот термин, возможно, он упускает некоторые аспекты или детали нашей жизни. Однако, для Хайдеггера Дазайн является способом добраться до основы нашего существования и понимания мира, не отвлекаясь на поверхностные детали.

Хайдеггер считает, что наше существование или "бытие" тесно связано со временем. Это значит, что мы не можем понять, что такое "быть человеком", не учитывая роль времени в нашей жизни. Другими словами, наше прошлое, настоящее и будущее формируют нас как личностей. Хотя некоторые философы думают, что время и бытие — это две разные вещи, Хайдеггер

утверждает, что они на самом деле очень связаны между собой.

Многие традиционные философские системы, особенно до Хайдеггера, рассматривали "бытие" или сущность вещей и "время" как раздельные и отдельные категории.

Аристотель, например, различал "сущность" вещи, то, что делает её тем, чем она является и "акциденции" (нечто случайное или изменчивое, такое как её положение во времени и пространстве).

Термин «акциденция» имел важное значение в христианской философии, объясняя парадокс ответственности Бога за всё происходящее на Земле. Как только Бог дал миру право на жизнь, то тот, начав самостоятельно существовать, получил новые, часто несущественные свойства. Тем самым миру и человечеству была дана свобода, а с ней и неопределенность, возможность выбора.

В этой перспективе, бытие или сущность вещи были постоянными, а время представляло изменчивость.

Кант также разделял "вечные" категории разума, такие как пространство и время, от концепций бытия или сущности.

Этот традиционный подход рассматривает время и бытие как две разные вещи. Однако Хайдеггер вызывает этот подход в "Бытие и времени", утверждая, что для человека, время и бытие глубоко взаимосвязаны.

Хайдеггер видит человеческое существование как нечто, что глубоко взаимосвязано с временем. Под названием Дазайн он описывает нас, людей, как существа, всегда находящиеся в потоке времени. Для него время — это не просто часы на стене, но фундаментальная часть нашего бытия. Мы понимаем себя и наш мир через наши воспоминания, текущие действия и планы на будущее. И даже наше отношение к смерти, конечному горизонту жизни, подчеркивает, насколько время важно для нашего понимания себя.

Философы Декарт, Кант, Ницше, Бергсон, Хайдеггер основывают свои философские рассуждения на индивидуальных наблюдениях своего внутреннего мира, восприятия, ощущений. Никто из них не был замечен в проведении опросов, изучении вопроса насколько их ощущения соответствуют ощущениям других людей. То есть,

все эти философы начальные посылы к своим утверждениям строили на индивидуальных наблюдениях, чаще всего над самим собой, но далее обобщали эти индивидуальные наблюдения до уровня всего человечества в целом и даже мироздания. Разве такая практика не порочна и не ошибочна в корне?

Одни философы, такие как Кант, стремились выработать универсальные принципы, которые были бы применимы к каждому человеку. В то время, как другие, такие как Ницше, больше уделяли внимание индивидуализму и уникальности человеческого опыта.

Философы часто исходили из собственного опыта, потому что это было их основным источником знаний. Но это не означает, что их рассуждения были исключительно субъективными. Многие из них пытались объективировать свой опыт или исследовать его с разных точек зрения.

В то время, как современные науки, такие как психология или социология, используют опросы и эксперименты, философия обычно исходит из логических рассуждений и аргументации. Это не означает, что один подход лучше другого, просто они разные.

Даже когда философы исходили из личного опыта, они стремились выделить из него общие принципы или идеи. Так, Хайдеггер, исследуя бытие, рассматривал свой собственный опыт как путь к пониманию бытия в целом.

Критика относительно обобщения на основе индивидуального опыта является вполне обоснованной и была высказана многими философами и учеными на протяжении истории.

Таким образом, хотя индивидуальный опыт играет важную роль в философии, многие философы пытались преодолеть потенциальные ограничения этого подхода, применяя разные методы анализа и рассуждения.

Но разве философам кто-то или что-то мешало проводить опросы? Хотя бы чтобы сравнить свои ощущения с другими? Все они считали себя и были людьми неординарными. Так не следует ли предположить, что многое из их восприятий и ощущений не может быть обобщено на всё человечество?

Во времена, когда многие из этих философов писали, методы социологического и психологического исследования не были так развиты, как сегодня. Опросы, эксперименты и статистический анализ данных стали более распространенными позже, особенно в двадцатом веке.

Философия часто исходит из глубокой рефлексии над основными вопросами бытия, знания, этики и так далее. Такие рефлексии могут основываться на личном опыте, но они также стремятся выявить общие принципы или истины. Для многих философов простое сравнение субъективных ощущений через опросы могло показаться недостаточным или даже неуместным в контексте их исследований.

Многие из философов были неординарными личностями, и их опыт мог не соответствовать опыту большинства людей. Однако их задача часто заключалась не в описании собственного уникального опыта, а в поиске общих истин или принципов, которые можно было бы применить к человеческому опыту в целом.

Критика индивидуальных философствований абсолютно справедлива. Именно поэтому в современной философии и других областях знания большое внимание уделяется методологии исследования, критическому анализу собственных предпосылок и попыткам проверить свои идеи с помощью различных методов.

Хотя многие из классических философов не проводили опросов или экспериментов в современном понимании, их работы предоставляют глубокие и ценные инсайты в различные аспекты человеческого опыта. Однако, это не освобождает их от критики или необходимости пересмотра в свете новых данных или методов исследования.

Не получается ли, что некоторые из них, такие как Платон, Аристотель и другие, неизбежно перенося свои индивидуальные наклонности в свои теории оказали влияние на все человечество, учившееся по их трудам, и таким образом, не они отразили общие принципы, а навязали их, по сути, человечеству?

Это важное замечание и проблема, которая обсуждалась на протяжении веков. Несомненно, большие философы внесли свою

лепту в формирование культурных, образовательных и интеллектуальных традиций. Но чтобы понять, насколько они "навязали" свои идеи, следует учитывать несколько моментов:

Многие из их идей были не просто переняты бездумно или слепо. Они были адаптированы, модифицированы, критикованы и развивались в течение веков многими другими мыслителями.

Платон и Аристотель, например, писали в определенном культурном и историческом контексте. Их идеи отражали вопросы, проблемы и понимание их времени.

Даже в свою эпоху эти философы не были безоговорочно приняты. У каждого из них были оппоненты, критики и конкурирующие школы мысли.

Хотя идеи таких философов, как Платон или Аристотель, оказали сильное влияние на последующие поколения, это не обязательно означает, что они "навязали" свои идеи. Многие их концепции были убедительными и привлекательными для других из-за их глубины, остроумия или применимости к различным аспектам человеческого опыта.

Помимо западной философской традиции, существуют и другие интеллектуальные и философские традиции по всему миру (например, в Индии, Китае, Исламском мире), которые развивались параллельно и иногда в диалоге с западными идеями.

Хотя великие философы оказали заметное влияние на развитие человеческой мысли, они не были единственными определяющими факторами. На протяжении истории было множество идей, дебатов, культурных обменов и интеллектуальных традиций, которые сформировали наш мир.

Мартин Хайдеггер – фигура неоднозначная, и его философия вызывает много дискуссий и споров. Как мы наглядно показали один из основных моментов отталкивающих читателя заключается в сложности и абстрактности его текстов. Его стиль написания часто воспринимается как загадочный и труднопонимаемый, что делает процесс чтения и понимания его работ вызовом даже для опытных философов.

И, наконец, как мы отмечали выше, кроме стиля изложения,

Хайдеггера часто критикуют за его политические убеждения и связи с нацизмом. Этот аспект его биографии вызвал множество дебатов и споров о том, насколько его политическая позиция отражена в его философии и возможно ли её отделять от научного наследия философа.

Тем не менее, многие считают Хайдеггера значительным философом из-за глубины и оригинальности его мышления, полагая, что он предложил новый способ подхода к фундаментальным философским вопросам, таким как вопрос о бытие. Хайдеггер не просто продолжил дискуссию, начатую другими; он ставил новые вопросы и предлагал новые пути их решения. Именно это делает философом, которого невозможно проигнорировать мыслящему человеку, несмотря на все споры и критику.